

ПОНЕДЕЛЬНИК ПОЛУВРЕМЕНИ

* * *

Состав моей космической души,
От сюра холодея,
Изобрели армяне, чувашаи,
Хохлы и иудеи.

Союза нерушимого дитя,
Фантазии советской,
Я выросла из тьмы небытия
Мичуринскою веткой.

А чтоб друзей на том краю земли
Замучила икота,
Меня пересадили-извели
В Испании какой-то.

ПАМЯТНИК КОЛУМБУ¹

Пространству делает козу, и
(Гордо и глупо!)
На юго-запад указывает
Палец Колумба.

А мы спиною к Лукоморью
Колумбограда,
Глядим на луковое горе
Его распада.

Беспечное разнообразье
Лица и вещи
Нас настораживает: разве
Уже не вечер?

У нас-то ушки на макушке,
И сердце в пятках
Готово к новой заварушке
Европорядка.

Дрожит зверюшкой смятенной
У края лога,

¹ Памятник Колумбу в Барселоне, установленный, по преданию, на том месте, откуда первооткрыватель отправился в Америку.

На неисхоженной и темной
Границе Бога,

Где Рильке с Дрожжиным в обнимку –
Экран зависший –
Сквозь электрическую дымку
Луиза с Ницше.

Поддайся этому же трюку
Развоплощенья:
У Бога в сотовую трубку
Проси прощенья.

И голос медленный и клейкий
Со дна сознания
Вберет светящиеся клетки
Припоминая.

Сквозь неочищенный и грубый
Поток кумыса
Нам приоткроется сугубый
Участок смысла.

Все пораженья и потери
Зубри, как в школе.
*Quousque tandem abutere?*²
Вот-вот: доколе?

* * *

По губам меня помажет...
О. М.

В ходе ливня проливного
Море выплюнуло вон –
В нитях света золотого
Шевелящуюся вонь:

Мышки мертвые норушки,
И медузы, как зрачки,
То резинки и ракушки,
То прокладки и рачки.

Изогнувшись водостоком –
Раз примерь и семь отрежь
Между Западом-Востоком
Незаделанную брешь,

Спьяну дно проговорилось,
И плеснула по губам –
Эта живность, эта милость –
Море с горем пополам.

² «Доколе будешь злоупотреблять нашим долготерпением?» Из речи Цицерона.

* * *

Старость свалилась мне на голову.
Как бы не так – переживу!

Вжав ее в плечи, с свободю дряхлой
переживу я и дух мой, и прах мой,

хвори и свары, уродство, безлюбье,
радостей прежних унылые струпя.

Буду игриво трясти, терпеливо
слабой башкой с поредевшею гривой.

Старость – подружка, душа, компаньонка,
вот и приехали, вот и – споем-ка.

* * *

Семнадцатое
апреля
веснадцатое
согрея

и солнечное
плетенье
и почечное
цветенье.

Оглядываясь
на вторник,
догадываюсь
о горних

возможностях
пролетевших
и ложностях
преуспевших.

Пускает побег
растенье,
пускаюсь в побег
за тенью

опавшего дня
осенне,
пропавшего для
спасенья.

* * *

В ночь с четвертого на пятое
У дремоты под пятой
Набухают веки ватю
И свинцовой водой.

Но не спи, пока рифмуется,
Слово ладится с другим,
И с душою соревнуется
В славословье херувим.

Величай в полночной темени
Колыбельной набело –
Понедельник полувремени,
Наступившее число.

СИЕСТА

А. А.

Затемненное окно,
Покрывало на постели –
Половинки домино
Средиземной светотени.

Зря ореховый комод
Занимает столько места.
Станет выходом уход?
Скоро кончится сиеста?

* * *

Полчаса прошло с полуночи,
День тринадцатый настал.
Завтра девушки и юноши
Поползут на пьедестал.

А пока, забыв вчерашние
Достижения, как миф,
Засыпают, как домашние
Звери, лапы заломив.

Шерсть топорщится на темени,
И зевком разъята пасть.
В золотой уютной темени
Хорошо ребятам спать.

Этот сон и есть отечество:
Огородик, дом с трубой.
Молодое человечество
Завтра выйдет на разбой.

* * *

Беженка с московских тротуаров,
Образец почтения к судьбе,
Если доживу до мемуаров
Собственных, я вспомню о тебе.

Как жила размеренно и строго
Где телят меж фикусов пасут,
Ради тихих слов и ради Бога
Принимая временный абсурд.

* * *

Как раковины на бечевку,
Нанизан слух на шум рессор.
Свою проедешь остановку –
Услышишь лишний разговор.

Звук электрический, жеманный,
Как будто тайну выдыхал,
Пообещал предел желаний
На станции ВДНХ.

Опять накатывает сумрак –
Натянутая бечева –
И появляется из сумок
Людей – шуршащая Москва,

Шести-семи-восемидесятых,
А наверху летает снег,
Иного времени осадок,
А ишь ты – переживший всех.

* * *

*Непреренно восстанем, непременно увидим и весело,
радостно расскажем друг другу все, что было –
полусмеясь, полу в восторге ответил Алеша.*

«Братья Карамазовы»

Никуда не еду – время везу
С верным попутчиком по захолустьям.
Алексея Федоровичу слезу
На четырех страницах – опустим.

Не бабу с возу, а жар души.
В одной повозке, читай – кутузке.
Но ради этих страниц, скажи,
Простит Господь говорящих по-русски?

Там поздней осени самопал,
Снегом-на-час огород занесенный.
А тут человек на песок упал,
В царство заморское занесенный.

Никуда и не надо, даже назад –
К солнцу, встающему на востоке.
Само на запад и на закат,
Полупечалась, полу в восторге.

1516 (II)

Тише, тише, Буденный, Котовский,
Комиссары жестоких страстей.
Никого не бояться, готовься
К получению новых вестей.

Если о разоренье Казани
Вновь по радио заговорят,
Я раскосыми злыми глазами
Уничтожу московский отряд.

Это было на первой Казанской
По приказу от Грозного, но
Обещаю: на этой Гражданской
Мы другое увидим кино.

ПО ГРИБЫ

Наверх и ползком через ельник:
В малиновых брыжжах,
Авось, из пещер подземельных
Появится рыжик.

Задаром корпеть за двойную
(Что ль, сразу признаться?)
Нехитрую жизнь заводную:
Каприз – разобраться.

Вот это – душа, это – тело.
И Бог – молодчина:
Вот тут – все чего-то хотела,
Вот тут – получила.

МАРИНЕ

Я плачу, зрачок наводя на лицо,
Знакомое с юности – ты! –
У этой присыпанной снежной пылью
Вполне различимой черты.

По ту ее сторону свет и пурга
И ангельское кино,
По эту не видно ни зги, ни фига,
Томление духа одно.

Из наших, далеких, нехитрых вещей,
Из доперестроечных снов,
Каких наварили безрадостных щей,
Каких нарубили мы дров!

Ты дни отливаешь в московской тоске
И бьешься об них головой,
А я задыхаюсь в игольном ушке
Соленой воды голубой.

Но из одного и того же сырья
И свет, и дорога к нему.
Снежок запоздалый в окне января —
Вернейшей порукой тому.